

Опубликовано:

Идеи и идеалы. – 2016. – № 2. – Т.2. – С. 3- 11.

УДК 93:008

© Лопатина Н.Л.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК ПРИЧИНА ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТРУДА

Н.Л. Лопатина

Аннотация: В статье рассматривается деградация трудовой культуры крестьянства в советских колхозах, которая сказывается и в современной деревне. Крестьянство представлено как социум сельских жителей, занимающихся земледелием и скотоводством и обладающих социокультурным наследием предков.

Автор считает, что традиционная культура труда крестьян в России была высокой. В качестве доказательства приводятся исследования классиков истории, этнографов, свидетельства иностранцев о России, материалы народного фольклора.

По мнению автора, политика коллективизации привела к негативным социокультурным деформациям традиционной культуры труда крестьян. Определяющим явились отсутствие собственности, материальной и моральной заинтересованности, сверхэксплуатация крестьян государством, фактически бесплатный труд, культурная революция, уравниловка. В результате этого сформировались низкая производительность труда, хозяйственная апатия, имитация труда («вроде труд»), произошло падение традиционных нравственных норм.

Свои выводы автор подкрепляет свидетельствами бывших колхозников, собранных в новом научном жанре «устная история». По мнению автора и очевидцев коллективизации, для мотивации труда крестьян в современной деревне труженику села необходимо дать собственность и творческую свободу.

Ключевые слова: труд, крестьяне, сверхэксплуатация, колхоз, трудодни, хозяйственная апатия.

COLLECTIVISATION AS THE CAUSE OF TRANSFORMATION OF THE PEASANTS LABOUR'S CULTURE

N.L. Lopatina (Kemerovo)

Abstract: The degradation of peasants labour's culture in the Soviet kolkhozs which tells on the modern village is scrutinized in the article. Peasantry is introduced as the community of rural inhabitants occupied by agriculture and cattle breeding who possess sociocultural legacy of ancestors

The author considers that traditional culture of peasants' labour in Russia was very high. As the proof of that he leads to the examples from the researches of classics of history, ethnographs, foreigners' evidence about Russia and folk lore. According to the author the policy of collectivization led to negative socialcultural degradation of traditional labour culture of peasants. The lack of private property, material and moral interests, superexploitation of peasants by the state, actually "free labour", cultural revolution and "equal rights" for everybody were the leading factors. And as the result low productivity of labour, economic indifference, imitation of labour was formed and led to moral degradation. His own conclusion the author supports by the testimony of former peasants which were collected in new scientific genre "verbal history". According to the author and eyewitnesses of collectivization for the recovery of modern village it is necessary to give peasants creative and private freedom.

Key words: labour, peasants, superexploitation, kolkhoz, work - day (unit of work in collective farming), economic indifference.

В XX в. у большинства наших соотечественников сложилось устойчивое представление о русском человеке как человеке ленивом с крепостнической ментальностью, прозябающем в перманентной нищете. Этому способствовала советская пропаганда, которая пыталась обосновать неизбежность социалистической революции – единственного способа вывести народ из темноты, порабощения и нищенского существования. В СССР научная, художественная, публицистическая и даже детская литература, особенно довоенных лет, начиналась с повествования о тяжелой судьбе российского народа в царское время.

Однако досоветские ученые, этнографы, иностранные путешественники, народный фольклор не подтверждают мифа о лени русского мужика, его раболепии, нищете, отсутствии самостоятельности. Исследования российских ученых XVIII-XIX вв. Н.М. Карамзина. Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, С.М. Соловьева, В.С. Соловьева и др. свидетельствуют о трудолюбии наших предков. Известно мнение В.О. Ключевского о влиянии климата на формирование напряженного и производительного труда российского крестьянства. Он подчеркивал, что ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду, как великоросс [10]. Д.И. Иловайский придерживался этого же суждения и полагал, что русский человек представлял замечательный образец характера деятельного, расчетливого, домовитого, способного к неуклонному преследованию своей цели, к жесткому или мягкому образу действия [6, с. 227].

Российский этнограф XIX в. С.В. Максимов, в научных целях объездивший почти всю страну, был уверен, что русский человек благодаря

климату является самым выносливым и самым трудолюбивым [16, с. 536]. О высокой трудовой культуре российского крестьянина свидетельствуют записки А.Н. Энгельгардта, который многие годы прожил в своём имении после отмены крепостного права. Он писал, что наш крестьянин работает порывами, может, если понадобится, сделать невероятную работу [30, с. 153]. Маркиз де Кюстин, оставивший нелицеприятные воспоминания о России эпохи Николая I, писал, что русский крестьянин трудолюбив и умеет выпутаться из затруднений во всех случаях жизни [17, с. 179].

Постсоциалистические исследования тоже не подтверждают советского мифа о будто бы тотальной нищете российского крестьянства (особенно сибирского) [3, с. 100]. Журнал ЦК ВКП(б) в 1927 г. критиковал сибирского крестьянина, который говорил: «До войны у нас было по 10-15 коров у плохого хозяина, а теперь 2-3 – у хорошего. До войны Сибирь вывозила за границу 4 млн. пудов зерна. Теперь нечего вывозить» [4, с. 88-95]. Официальные документы подтверждают слова об изобильной Сибири. По данным Сибкрайплана на 1 октября 1929 г., на 100 душ обоего пола в СССР приходилось 15 рабочих лошадей, а в Сибири – 37 (246,6%), коров соответственно – 22 и 39 (177%). Составляя всего 6,3% по удельному весу сельского населения в СССР, Сибирь обеспечивала по всей стране площадь посева – 7,2%, количество голов скота – 11,2% [11, с. 151]. Конечно, в центральных областях России количественные показатели рядового крестьянского хозяйства выглядели иначе, но все равно были достаточными для безбедного проживания, особенно после реформы А.П. Столыпина. Следует понимать, что тезис о будто бы тотальной бедности крестьян – это публицистическое преувеличение, призванное обосновать необходимость коллективизации как мероприятия, якобы избавившего русское крестьянство от нищеты.

Отношение к труду, как высшей культурной ценности, сложилось у восточных славян еще при язычестве. Веками складывались пословицы, восхваляющие труд: Бог труды любит; Одна забота – не стала бы работа; Без дела жить – только небо коптить, и др. Народный фольклор свидетельствует о трудолюбии как главной добродетели крестьянина [24, с. 8]. В 95 текстах девяти русских народных сказителей XVIII – середины XX века рефреном звучат слова, воспевающие труд и усердие: Человек рожден для труда; Без труда нет добра; Труд человека кормит, а лень портит; Праздность – мать пороков; Зажиточно жить – надо труд любить; Работай смелее, будешь жить веселее, и многие другие [26]. О.А. Платонов, проанализировав русские народные пословицы, сделал вывод, что к лентяю у русского крестьянина было больше неприязни, чем к представителям эксплуататорских классов [24, с. 24]. Исследователь русских сказок А. Афанасьев отмечал, что трудолюбие, старательность, добросовестность – это отличительные черты положительных героев, а отрицательные персонажи чаще всего ленивые и неумелые [1, с. 9].

В сознании русского человека понятие достатка, сытости связано с трудом. Добросовестный труд – гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и система жизненных ценностей, в которой труд занимает первое

место, а богатство – второе, поскольку является следствием труда. Благодаря высокой культуре труда российский крестьянин не был нищим и забитым. Иностранцы, посещавшие Россию в разные века, особо отмечали материальный достаток и довольствие россиян [8].

В основе всей деревенской культуры лежало уважение к труду. Постулат «кто не трудится, тот да не ест», сформулированный христианством, имел не только религиозное, но и воспитательное значение. С.В. Максимов отмечал взаимозависимость членов крестьянской семьи друг от друга. Он писал, что для всех членов семьи, для всех детей найдется работа. Крестьяне считали, что сидеть без работы грешно, и что кто не работает, тот является врагом своей семье [16, с. 499].

Крестьянский ребенок воспринимал труд как социокультурную данность и способ не только выжить, но и зарекомендовать себя в обществе, обозначить свой материальный и социальный статус. В крестьянской среде с малых лет культивировался труд как ценность и необходимость, он наполнял крестьянскую жизнь. Труд являлся источником самовыражения. Исследователи С.В. Максимов и Г. Успенский отмечали, что дети с пяти лет приучались к работе: мальчики начинали ездить верхом на лошади и гонять скот на водопой, а девочки приучались к прялке, принимались пасти цыплят. Этнографы описывали детей как полноценных работников в крестьянском хозяйстве. Они отмечали, что каждая девушка с восьми лет уже посвящалась во все тайны домашнего хозяйства, а парни в четырнадцать хорошо владели косою, серпом, молотилом, топором и принимались за соху [16; 28].

Однако современная культура труда жителей деревни отличается от описанной классиками истории, этнографами, иностранцами. Причины этого следует искать в новых хозяйственно-экономических отношениях, возникших в результате строительства социализма и просуществовавших 70 лет. За эти десятилетия выросло не одно поколение. Для культуры характерна преемственность. Поэтому современная крестьянская культура сформирована в недрах социалистической.

Социалистическое хозяйствование принципиально отличается от традиционного. Еще в 1920 г. Л. Троцкий писал, что социализм подразумевает качественно новую организацию труда. Перейти к социалистическому хозяйству без революционной диктатуры и без принудительных форм организации хозяйства невозможно. Он подчеркивал, что плановое социалистическое хозяйство невозможно без трудовой повинности [27].

Реализация идей социализма в деревне началось в годы военного коммунизма, что явилось одной из основных причин Гражданской войны. О том, что «с непосредственным введением социализма поспешили», заявил Ленин, предлагая НЭП. В годы НЭПа были частично возвращены рыночные механизмы, что успокоило народные массы. А в коллективизацию повторилась попытка реализовать идеи Маркса.

Социокультурный анализ колхозного труда позволяет установить глубину революционных преобразований в российской деревне в связи с коллективизацией. Как показал опрос 149 очевидцев коллективизации 1904-

1930 гг. рождения – носителей традиционной крестьянской трудовой культуры для них и их родителей презируемыми людьми были бездельники и пьяницы. Они четко связывали их бедность с нежеланием работать [15]. Резко негативное отношение крестьян к беднякам-лентяям подчеркивает их понимание труда как источника материального благополучия и социального статуса. Характерные высказывания подавляющего большинства респондентов: «А раньше-то бедны были только пьяницы, да бездельники. А все остальные имели все, что хотели. Только работой справно» [15, с. 116]. «Кулаки – это трудовики, а бедняки, в основном, лентяи» [15, с. 147]. Мнение крестьян отражено в информационных сводках центральных государственных и партийных органов: «Никаких ни бедняков, ни кулаков у нас нет: все в обществе одинаковы. Только есть, что трудовики и лодыри, которых Советская власть считает бедняками». «Бедняки – лодыри» [5, с. 238].

В колхозе формировалась новая культура труда в соответствии с социалистическими представлениями. Сразу после революции большевики столкнулись с сопротивлением крестьян и рабочих, терявших из-за социалистических преобразований традиционные стимулы к труду. Тогда советская власть применила принудительные методы: в 1918 г. была введена всеобщая трудовая повинность, что соответствовало марксовскому пониманию организации труда. После отмены НЭПа она была восстановлена (1927 г.). Внеэкономическое принуждение для колхозников осуществлялось, прежде всего, введением обязательной выработки норм трудодней (120 в год). В индивидуальном хозяйстве в 1925 г. норма была 92 человеко-дня [24, с. 261].

Нормы выработки на один трудодень были неоправданно велики, особенно на полевых работах. За световой день реально можно было заработать 0,5-0,7 трудодня. Матерям выполнить норму становилось невозможно, так как детских садов не было, а старики должны были выполнять каждый свою норму. За невыполнение норм трудодней следовало уголовное наказание (до 10 лет). Крестьяне считали, что колхозами власть их загоняет опять в барщину, крепостное право, превращает в скот [5, с. 241].

Принимая 17 февраля 1935 г. «Примерный устав сельскохозяйственной артели», ЦК ВКП(б) и СНК СССР не ввели даже формально раздел «права колхозника» или колхоза. На каждой странице этого Устава декларировались лишь обязанности колхозника перед колхозом и обязанности колхоза перед государством [25, с. 519-530]. Так, колхозники помимо земледельческих работ обязаны были строить и ремонтировать дороги, а в Сибири – участвовать в лесозаготовках. Исследования показывают, что на общественных колхозных работах широко применялся детский труд. Респонденты вспоминали, что уже с 7-9 лет дети шли работать на колхозное поле. «Мы все работали в колхозе. Я с третьего класса бегала на поле осот выпалывать» [15, с. 168,170].

Количество трудодней, приходившихся на одного трудоспособного, постоянно возрастало. Если в 1933 г. на одного колхозника по стране приходилось 148 трудодней, в 1935 г. – 181, в 1937 г. – 194, то в 1940 г. – 254 [9, с. 331]. Таким образом, за 1933-1940 годы число отработанных трудодней возросло на 72%. По сравнению же с крестьянином-единоличником 1925 г.

увеличение составило 276%! Все опрошенные вспоминали, что работали без выходных, отпусков и праздников. «Работали, как проклятые!» [Там же, с. 42]. «Я всю жизнь работала-работала! И всё бесплатно» [Там же, с. 91]. Колхозники оплату по трудодням называли работой «за палочки». С большой болью говорили, что практически ничего не получали потому, что всё сдавали государству: «Работали мы сутками. День жнёшь, ночь молотишь. А осенью получишь дулю» [Там же, с. 89]. Оплата труда отразилась в народной частушке: «Колхознички-канареечки, проработал год без копеечки» [Там же, с. 78].

Труд в колхозах фактически не приносил материального вознаграждения крестьянину. На трудодни прожить было нельзя. Такое положение предопределяло низкую производительность труда колхозников. Оплата по трудодням производилась натурой раз в год. Процесс натурализации оплаты находился в полном соответствии с марксистской доктриной об отмирании товарно-денежных отношений при социализме. Как показала колхозная натуроплата, заменившая денежное обращение, крестьянин попал в полную зависимость от председателя, который по своему усмотрению наделял колхозников материальными благами. Получилась не свобода, а кабала. Это предвидел Ф. Хайек. Он писал, что когда вместо денежного вознаграждения люди будут получать общественные отличия, привилегии или влиятельные должности, лучшее жилье или пищу, возможности для путешествий или для получения образования, это будет означать, что они полностью лишатся свободы выбора. А те, кто станет все это распределять, будут принимать решения не только о размерах, но и о форме вознаграждения [29, с. 73].

Неоплаченный труд определил изменение нравственных норм в деревне. Широко распространилось воровство, как одно из средств борьбы за физическое выживание, ставшее образом жизни для многих. Практиковалась, например, ночная стрижка колосков. Если для поколения колхозников такое «воровство» было объективной необходимостью для выживания, то для последующих поколений стало нормой существования. Ни один известный исторический источник не указывает на то, чтобы при крепостном праве крестьяне опустились бы до такой нужды. Философ И.А. Ильин увидел эту опасную тенденцию, когда нелегальное приобретение стало необходимым условием существования при социалистическом режиме [7, с. 36]. Так с нищеты начиналось падение нравственной нормы «Не укради», веками поддерживаемой общественной моралью.

С середины XX в. широко распространился миф о будто бы «извечной» вороватости русского мужика. Однако ещё в 1875 г. публицист А.Н. Энгельгардт категорично писал, что крестьяне не воруют даже у барина, и тем более нет воровства между собой. Он считал, что рассказы о том, что русский мужик вороват, пьяница, лентяй – это выдумки газетных корреспондентов [30, с. 150, 152, 154].

От преступлений и антиобщественных поступков человека веками удерживало не государство, а традиции, являющиеся одной из фундаментальных характеристик культуры. Энгельгардт писал, что мужик не

знает «законов», он уважает только какой-то божий закон [30, с. 109]. Социалистическое государство со своими сверхстрогими законами борьбы с воровством, «нетрудовыми доходами», хулиганством и пр. не могло компенсировать той роли, которую играла общественная мораль.

Падение морали – это свидетельство разложения общества. Один из первых признаков разложения общества – утрата трудолюбия как национальной черты русского народа. С.В. Максимов считал, что все хорошее и высокое в человеке приобретается трудом; труд ведет вперед людей и народы. Если бы уничтожился труд, нравственная смерть не замедлила бы постигнуть род человеческий [16, с. 536]. При социализме утрачивалась вера в честный труд. Даже в самые тяжелые времена моральным мотивом оставался труд как духовно-нравственное деяние, а не только как способ выживания. Это была существенная часть русской культуры, особенность национального мировоззрения. В колхозах это качество труда ушло. Выработалась новая мораль – мораль «вроде труда».

Коллективизация, считал А.С. Ахиезер, означала «возврат к дореформенной эпохе 1861 г.» [2, с. 514]. Но, видимо, социальный регресс в связи с колхозами был гораздо глубже. При крепостничестве крестьянин имел систему защиты от власти в лице общины. Иерархия зависимости сводилась к крестьянскому обществу, а не персонально к крестьянину. Советская власть в лице чиновников (от наркома до бригадира) дошла до каждого человека. При этом не требовалось, как во времена военного коммунизма, изымать прибавочный и необходимый продукт в каждой крестьянской избе. Теперь все принадлежало колхозу, который отождествлялся с государством. Экспроприация стала повседневностью. И не государство от крестьян, а крестьяне от государства должны были получать теперь хлеб. Результат труда принадлежал государству, а не крестьянину, чего не было даже при крепостничестве. Организация труда в колхозе стала причиной хозяйственной апатии. О хозяйственной безынициативности, о том, что крестьянин перестал обрабатывать землю с прежней любовью, писал М.И. Калинин [12, с. 283].

Корреспонденты газеты «Правда» клеймили «нерадивых» колхозников: «У них совершенно «отсутствует интерес» к работе» [18]. «Если они работают, то работают плохо, не жалеют коллективизированной скотины» [19]. «Хозяева-то теперь мы, для чего же перетруждаться?» [22]. «Чего? Нам еще работать на этих людей?! На новых господ!» [23]. «Совсем отсутствует рабочая дисциплина: нередко работа не выполняется вовсе, потому, что не явились крестьяне» [20]. «В колхозах в целом царит полная бесхозяйственность. Правление не пользуется авторитетом» [21]. Корреспонденты отразили целое явление, порожденное коллективизацией.

На формирование безынициативности, равнодушия к труду оказал влияние и тезис Маркса о социальном равенстве. Традиционно дифференциация крестьянского социума происходила в соответствии с затраченным трудом. Бедняками считались лентяи и пьяницы [15]. «А тут все вкалывали с утра до ночи и были нищими. Вот что натворила коллективизация. Нет ни богатых, ни бедных!» [15, с. 116].

На крестьянскую трудовую культуру повлияло отсутствие возможности творческой реализации в труде, что неизбежно должно было привести к деградации культуры крестьянского сообщества. Следует понимать, что мировоззрение крестьянина основано не на абстрактных чувствах любви к «родной природе», к «своей деревне», к «отчему дому», а на личном интересе, на желании быть хозяином, распоряжаться своей землей, своим трудом и его результатами. Именно это привязывает его к земле, природе, к деревенским традициям, ко всему сельскому укладу жизни. Необходимо согласиться с авторами, утверждающими, что психология крестьянина – это психология хозяина. Крестьянин на земле не просто работает, он хозяйствует, и только тогда его труд не в тягость ему, а в радость. Хозяйствование на земле для крестьян образ жизни, а не просто средство к существованию [14, с. 260-272].

Не мог крестьянин проявить творчество и в своем индивидуальном хозяйстве, так как его размеры были строго регламентированы Уставом сельхозартели. Не было у него возможности проявить своё творчество даже в ремесленничестве: были установлены огромные налоги на ремесленника, а в 50-е годы промысловые артели и вовсе запретили. Творческая энергия русского крестьянина не могла найти выход. Пришлось смириться. У крестьян стала развиваться хозяйственная апатия. Через 25 лет после начала коллективизации (в 1954 г.) ЦК КПСС был вынужден признать, что в колхозах нет должной трудовой дисциплины, плохо организован труд, низка производительность труда, не по-хозяйски используется земля, в результате чего такие колхозы мало производят сельскохозяйственных продуктов [13, с. 464].

Утрату материальных и моральных стимулов к труду власть пыталась компенсировать новым стимулированием труда в виде социалистического соревнования. Однако соревнование не оставило положительного следа в трудовой культуре нации. Пропала состязательность мужиков в выносливости, предприимчивости, мастерстве, которая веками культивировалась на селе. Пропал у крестьян моральный стимул в виде уважения односельчан за его трудолюбие и хозяйственную предприимчивость. Более того, трудолюбие стало опасным, так как результатом его становилось экономически благополучное хозяйство, хозяева которого подлежали раскулачиванию.

Советская власть применяла и другие социалистические приемы трудового стимулирования колхозников. Их набор приведен в постановлении ЦК ВКП(б) 19 апреля 1938 г. о трудовом воспитании колхозников. Нарушителя предлагалось заставить переделать работу без начисления трудодней, ему могли вынести выговор, порицание на общем собрании; практиковались занесение на черную доску, штраф в размере 5 трудодней, перемещение на низшую работу, временное отстранение от работы [13, с. 314]. Такие стимулы не способствовали формированию побудительных причин для добросовестной работы.

Таким образом, сверхэксплуатация колхозника, принудительный труд, отсутствие материальной и моральной мотивации труда в колхозах изменили отношение к труду, нравственные и моральные устои крестьянства. Труд стал не только малопродуктивным, но и трансформировался в имитацию труда.

Изменение культуры труда сказалось, в конечном счете, не только на сельском хозяйстве, но и в других сферах, поскольку в среде крестьянства возвращались рабочий класс и советская интеллигенция.

Следует отметить, что на культуре труда негативно сказалась и культурная революция, которая боролась с «темным» прошлым, традициями как проявлением архаики. Традиционно отношение к труду формировалось и культивировалось с помощью образа трудолюбивого предка, деда, отца. Деятельность человека была сопряжена с оглядкой на мнение предков, сородичей, мира. Культурная революция формировала негативное отношение молодежи к мнению старшего поколения, что противоречило вековым устоям крестьянского общества.

Социокультурную трансформацию деревни отметили все бывшие колхозники. Большинство респондентов считает, что современное состояние деревни связано с проводившейся политикой коллективизации, когда «людей отучили работать», «испортили людей». «Те, кто сломал деревню в 30-е годы, виноваты в нынешней нищете страны. В людях выработали лень. Люди уже не хотят работать» [15, с. 167]. «А живем мы в стране плохо потому, что работать никто не хочет... Можно ли их осуждать? Мы вот и вовсе без денег работали. Хорошо ли это? Вот и привыкли люди, что хоть работай, хоть не работай – заплатят всем одинаково» [Там же, с. 198]. Выразила общее мнение респондентов по итогам коллективизации П.М. Горцевская, сказав, что сегодня деревня не может выбраться из нищеты потому, что в период коллективизации и в период репрессий были уничтожены крестьяне, любящие крестьянский труд, землю и умеющие на ней работать и обрабатывать её. Не видя улучшений жизни в деревне, крестьяне стали плохо относиться к общественному труду, расцвело воровство, безделье, пьянство [Там же, с. 250]. Ей вторит У.Г. Гришина: «Кого винить, что деревня живет плохо? Только власть! И только власть! Она хороших людей в деревне загубила. С этого все и началось. Остались одни лодыри, лентяи, предатели, да ловкачи, которые никогда деревню поднять из нищеты не смогут. После такого гонения и издевательства над людьми мы так и не смогли восстановить сельское хозяйство» [Там же, с. 340].

Для нормальной жизни деревни, по мнению респондентов, крестьянину необходимы собственность и возможность реализовать свой хозяйственный потенциал.

Литература

1. Афанасьев А. Предисловие ко второму изданию русских народных сказок//Народные русские сказки в 3 тт. – Т.1. М.: Наука, 1985. – 321 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
3. Берлинтейгер Б.И. Крестьянство Кузбасса// Сборник статей «круглого стола» «Крестьянство Кузбасса: трудные дороги выживания». Кемерово, 1997. – 103 с.

4. Большевик, 1927. – № 21.
5. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М.: Политиздат, 1989 г. – 526 с.
6. Иловайский Д.И. История России. – Ч.2. Спб., 1880. – 346 с.
7. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. Париж-М.: Рарог, 1992. – 613 с.
8. Иностранцы в древней Москве. Москва 15-17 веков. Сост. Сумхан М.М. М.: Столица, 1991. – 426 с.
9. История социалистической экономики СССР. М.: Политиздат, 1975. – 452 с.
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904.
11. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). Документы и материалы. Томск, 1972.
12. Критский М. Хозяйственная дифференциация класса крестьян//Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Собр. соч. в 10 тт. Сост. Ильин И.А. –Т. 4. М.: Русская книга. 2001. – 523 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях в 10 тт. – Т.6. М.: Политиздат, 1971. – 527 с.
14. Латышев А.А., Миненко Г.Н. Концептуальные основы крестьянского образования: апология культуроцентризма//Культурология в теоретическом и прикладном измерениях. Кемерово-М., 2001. – 236 с.
15. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание. (Очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово: Аксиома, 2009. – 446 с.
16. Максимов С.В. Куль хлеба. Л.: Лениздат, 1987. – 655 с.
17. Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М.: Тера, 1990. – 288 с.
18. Правда, 1930. – 6 мая.
19. Правда, 1930. – 7 мая.
20. Правда, 1930. – 21 мая.
21. Правда, 1930. – 28 мая.
22. Правда, 1930. – 29 мая.
23. Правда, 1930. – 16 июля.
24. Платонов О. Русский труд. М.: Современник, 1991. – 333 с.
25. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в 6 тт. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.) – Т. 5. М.: Политиздат, 1968. – 749 с.
26. Русские народные сказители. М.: Наука, 1989. – 354 с.
27. Троицкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. М., 1920. – 211 с.
28. Успенский Г.И. Пермский сборник. Кн. 1. М., 1859. – 288 с.
29. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. – 176 с.
30. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887. М.: Мысль, 1987. – 634 с.

References

1. Afanasjev A. *Predislovie ko vtoromu izdaniyu russkikh narodnykh skazok//Narodnye skazki v 3 t.* T. 1. [Introduction to the 2nd edition of Russian folk tails. Folk tails in 3 volumes]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 321 p.
2. Akhuzer A.S. *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta v 2 t.* T.1. [Russia: Criticism of historical experiment]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1997. 804 p.
3. Berlintejger B.I. *Krestyanstvo Kuzbassa//Сbornik statey "kruglogo stola" "Krestyanstvo Kuzbassa: trudnye dorogi vyzhivania".* [Peasantry of Ruzbass. Hard ways of living]. Kemerovo, 1997. 103 p.
4. *Bolshevik, 1927. no. 21.* [Bolshevik, 1927. no 21].
5. *Dokumenty svidetelstvuyut. Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii 1927-1932 gg.* [Documents testify. From the history of the village before and in the cause of collectivization 1927-1932]. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 526 p.
6. Ilovajsky D.I. *Istoriya Rossii. Ch. 2.* [History of Russia, part 2]. St. Petersburg, 1880. 346 p.
7. Iljin I.A. *Nashi zadachi. Stati 1948-1954 godov.* [Our tasks. The articles 1948-1954 y.]. Paris – Moscow: Papor Publ., 1992. 613 p.
8. *Inostrantsy v drevney Moskve. Moskva 15-17 vekov. Sost. Sumkhan M.M.* [Foreigners about ancient Moscow. Moscow XV-XVII centuries. Compiler Sumkhan M.M.]. Moscow: Stolitsa Publ., 1991. 426 p.
9. *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR.* [History of socialist economy of the USSR]. Moscow: Politizdat Publ., 1975. 452 p.
10. Klyuchevske V.O. *Kurs russkoy istorii.* [The course of Russian history]. Moscow, 1904.
11. *Kollektivizatsiya selskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri (1927-1937 gg). Dokumenty i materialy.* [Collectivization of farming of the Western Siberia, 1927-1937. Documents and materials]. Tomsk, 1972.
12. Kritsky M. *Khozyaystvennaya differentsiatsiya klassa krestyan//Mir pered propastyu. Politika, khozyaystvo i kultura v kommunisticheskom gosudarstve. Sobr. soch. v 10 t.* T. 4. Sost Ilin I.A. [Economic differentiation of peasants as class and the World in front of the precipice. Police, economy and culture in the communist state. The complete works by Iljin I.A.]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 2001. 523 p.
13. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh v 10 t.* T.6. [C.P.S.U. in resolutions v. 6]. Moscow: Politizdat Publ., 1971. 527 p.
14. Latyshev A.A., Minenko G.N. *Kontseptualnye osnovy krestyanskogo obrazovaniya: apologiya kulturotsentrizma//Kulturologia v teoreticheskom i prikladnom izmereniyakh.* [Conceptual basis of peasant education apology of cultural centralism. Cultureology in theoretical and applied measuring]. Kemerovo-Moscow, 2001, 260-272 pp.
15. Lopatin L.N., Lopatina N.L. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie. (Ochevidtsy i dokumenty svidetelstvuyut)* [Collectivization and Raskulachivany. (Witnesses and documents testify)]. Kemerovo: Aksioma Publ., 2009. 446 p.

16. Maksimov S.V. *Kul khleba*. [The sake of bread]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1987. 665 p.
17. Marquess de Kuystin. *Nikolaevskaya Rossiya*. [Nicolaevskaya Russia]. Moscow: Tera Publ., 1990. 228 p.
18. *Pravda*, 1930. – 6 maya. [Pravda, May 6th 1930].
19. *Pravda*, 1930. – 7 maya. [Pravda, May 7th 1930].
20. *Pravda*, 1930. – 21 maya. [Pravda, May 21st 1930].
21. *Pravda*, 1930. – 28 maya. [Pravda, May 28th 1930].
22. *Pravda*, 1930. – 29 maya. [Pravda, May 29th 1930].
23. *Pravda*, 1930. – 16 iyul. [Pravda, July 16th 1930].
24. Platonov O. *Russkiy trud*. [Russian Labour]. Moscow: Sovremennik Publ., 1991. 333 p.
25. *Resheniya partii i pravitelstva po khozyaystvennym voprosam v 6 t. Resheniya partii i pravitelstva po khozyaystvennym voprosam (1917-1967 gg.) T. 5*. [The resolutions of the Party and Government concerning the economy. (1917-1967 гг.)]. Moscow: Politizdat Publ., 1968. 749 p.
26. *Russkie narodnye skaziteli*. [Russian folk story-tellers]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 354 p.
27. Trotsky L.D. *Terrorizm i kommunizm*. [Terrorism and Communism]. Moscow, 1920. 211 p.
28. Uspensky G.I. *Permskiy sbornik. Kn. 1*. [Perm Collection. Book I]. Moscow, 1859. 288 p.
29. Hiek F. *Doroga k rabstvu*. [The road to slavery]. Moscow: Ekonomika Publ., 1992. 176 p.
30. Engelgardt A.N. *Iz derevni. 12 pisem 1872-1887*. [From a village. 12 letters 1872-1887]. Moscow: Mysl Publ., 1987. 634 p.

